

Порыв и мера: индивидуалистическая и коллективистская тенденции в древнегреческой культуре полисной эпохи

Время складывания и развития греческого полиса, пришедшееся на архаический (VIII–VI вв. до н.э.) и классический (V–IV вв. до н.э.) периоды, было одновременно временем рождения и становления личности – впервые в европейской истории. Это выразилось в параллельном существовании двух тенденций во всем общественном бытии античной Эллады: индивидуалистической и коллективистской.

Первая из них проявлялась в ярко выраженном стремлении формирующейся личности заявить о себе в полный голос на всех поприщах социально-политической жизни, в стремлении во всем быть первым. Характерным симптомом нарастания личностного начала уже в начале архаической эпохи стала почти повсеместно свершившаяся в Греции замена примитивных монархий во главе с царями (*басилеями*) на аристократические режимы. Это, в свою очередь, немедленно повело к острой борьбе за власть между знатными лидерами. Борьба, которую вели друг с другом яркие личности, зачастую имела результатом многолетнее состояние непрекращающейся междоусобной смуты. А в ряде развитых полисов выделилась и восторжествовала над остальными «сверхличность» – *тиран*.

Феномен греческой тирании был, без сомнения, порождением именно индивидуалистической тенденции в политической жизни. Как справедливо писал выдающийся историк античности Ю.В. Андреев, «в тираническом государстве могущество и значимость отдельной, правда, одной-единственной личности намного превышали все допустимые, по греческим понятиям, нормы». Тирания являлась отклонением, но отклонением вполне органичным и естественным, следствием одностороннего и чрезмерного развития одной тенденции в ущерб другой.

Что же касается этой второй тенденции, коллективистской, то она тоже вызвала к жизни целый ряд явлений. Среди них – появление *гоплитской фаланги*, сплоченного коллектива воинов, согласованно действующего на поле боя. Коллективистские начала заметны в деятельности греческих законодателей. Изданные ими первые в Элладе своды письменных законов вводили единые, обязательные для всех нормы поведения в рамках гражданской общины. Яркое проявление полисного коллективизма – такой своеобразный институт, как *остракизм*, временное (до 10 лет) изгнание с территории полиса политиков, казавшихся «опасными». С его помощью община избавлялась от «чрезмерно» ярких и влиятельных личностей.

В прямой связи с коллективизмом стоит складывание полисного патриотизма в Греции. Это, следует сказать, произошло не сразу. Так, героям Гомера – а его поэмы отражают самую раннюю стадию в становлении полисного греческого социума – патриотизм был еще практически чужд. Для вождей, изображенных в «Илиаде», скорее характерно поведение ярчайшего их представителя – Ахилла, который под влиянием чисто личной обиды, нанесенной ему главнокомандующим Агамемноном, самоустраняется от общего дела, отказывается воевать, а возвращается на поле боя лишь под влиянием другой, опять же чисто личной обиды – гибели друга Патрокла от лица троянского героя Гектора. Кстати, как ни парадоксально, именно этот последний – не греки, а их главный враг! – выступает в гомеровском эпосе образцом пламенного патриота. Ему принадлежат знаменитые слова:

Знаменье лучшее всех –
за отечество храбро сражаться!

А вот в архаическую и особенно в классическую эпоху нормой для грека стала беззаветная защита родного города-государства от любых внешних врагов. Правда, подчеркнем, то был патриотизм узко-локальный, полисный в прямом смысле слова. Афинянин был патриотом Афин, спартаец – Спарты, коринфянин – Коринфа, а не всей Эллады.

Две названные тенденции, индивидуалистическая и коллективистская, были не только взаимодополняющими, но и, конечно, противостояли друг другу, находились в диалектическом противоборстве. Такого рода «единство и борьба противоположностей» во многом обусловили само формирование античной полисной цивилизации.

Лишь в очень редких, единичных случаях одной из тенденций удавалось взять верх над другой, достигнуть решительного преобладания. Так, в Спарте безусловно восторжествовал коллективизм, что повело к подавлению личности. В некоторых полисах, наоборот, значительно сильнее были индивидуалистические начала, а это порождало совсем иные явления. В качестве примера можно назвать Сиракузы на Сицилии. История этого полиса в течение нескольких веков шла по одному и тому же заколдованному кругу: постоянные вспышки внутренней смуты, очень частое установление и свержение тиранических режимов. Можно сказать, что единственным стабильным фактором была постоянная нестабильность. Политическая жизнь Сиракуз протекала в рамках какой-то непрерывной смены одних и тех же картинок в калейдоскопе.

Кстати, характерно опять же диалектическое сближение противоположностей. В Спарте мы видим «подмороженную», окостеневшую политическую структуру и, как следствие, отсутствие движения вперед. В Сиракузах же – видимость бурной активности, но при этом, в сущности, вращение на одном месте, и в результате – тоже отсутствие движения вперед.

Весь же остальной греческий мир располагался между двумя этими «полюсами». В типовом полисе индивидуалистическая и коллективистская тенденции сосуществовали примерно «на равных». Соответственно, периоды стабильности и смуты чередовались, сменяя друг друга. И в каждом государстве приходилось искать какой-то свой баланс между двумя началами.

Не только в разных регионах, но и на разных этапах истории Эллады этот баланс, естественно, оказывался неодинаковым. Так, греко-персидские войны (500–449 гг. до н.э.), когда сильна была необходимость совместного отпора общему врагу, породили усиление коллективизма.

Временем наиболее гармоничного равновесия между индивидуалистической и коллективистской тенденциями стала в греческом мире, особенно в Афинах, середина V в. до н.э. И, наверное, не случайно, что именно этот хронологический отрезок вошел в историю как период наивысшего, неповторимого взлета древнегреческой полисной цивилизации, «золотой век Греции».

А впоследствии, в IV в. до н.э., в эпоху кризиса классического полиса, индивидуализм решительно восторжествовал над коллективизмом – и, наверное, уже до такой степени, что это стало несовместимым с основными полисными принципами. Баланс, на котором они зиждились, был подорван, и история классической Эллады подошла к концу.

* * *

Итак, повторим, начиная с архаического периода (VIII–VI вв. до н.э.) во всем бытии Эллады сосуществовали и противоборствовали две мощные тенденции: индивидуализм и коллективизм. «Рождение полиса» и «рождение личности» происходили одновременно, были разнонаправленными (и даже противоположно направленными) процессами, но при этом взаимодополняли друг друга. Как проявилась динамика этих процессов в сфере культуры, духовной жизни?

Индивидуалистические начала находили себе выражение в духе состязательности, соревновательности, который пронизывал собой буквально все поры общества, был заметен на всех его уровнях, от войны до поэзии, от атлетики, бывшей уделом знати, до керамического производства, которым, естественно, занимались лица невысокого статуса. Напомним, что состязательность, о которой идет речь, часто называют в науке «агональным духом» (от греческого слова *агон* – соревнование) и что этот термин был введен в XIX в. известным немецким историком культуры Якобом Буркхардтом.

Уже один из первых представителей древнегреческой литературы, поэт-мыслитель Гесиод (рубеж

VIII–VII вв. до н.э.) говорит в поэме «Труды и дни» о том, что есть два вида зависти (для обозначения этого чувства Гесиод, творящий еще всецело в рамках мифологического мышления, употребляет имя Эриды – богини раздора). Одна зависть – пагубная, вызывающая вражду, а другая – полезная, творческая, побуждающая к соревнованию, к труду, к стремлению делать свое дело лучше, чем другие:

Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с посадками, с севом, с
устройством

Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных
полезна.

Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнует усердно.

Эти слова, сказанные на заре истории античной Эллады, и в последующие эпохи неоднократно находят себе подтверждение. В высшей степени характерна надпись, сделанная художником-вазописцем на одном расписном сосуде рубежа VI–V вв. до н.э.: «Расписывал это Эвтимид, сын Полия, так, как еще не расписывал Эвфроний». Вот уж воистину, «зависть питает гончар к гончару»! И – горделивое осознание собственного превосходства.

Эвтимид (Евтимид) и Эвфроний (Евфроний) были двумя знаменитыми вазописцами своего времени, находившимися, как видим, в отношениях острой конкуренции. Собственно, их имена известны нам именно потому (и только потому), что они подписывали свои работы. Кстати, обратим внимание уже на сам этот обычай: он о многом говорит.

Ведь подписью снабжались не шедевры искусства, которым было суждено храниться в музеях и коллекциях, быть предметом внимания восхищенной публики, а самые обычные вазы, использовавшиеся рядовыми греками в своем повседневном быту, в основном на пирах. И цена-то этих изделий была ничтожной! Расписной сосуд самой тонкой и великолепной работы стоил в десять раз меньше, чем такого же размера сосуд из меди, в тысячу раз меньше, чем серебряный, в десять тысяч раз меньше, чем золотой. Расписная керамическая посуда считалась в Греции «посудой для бедных». Соответственно, мастер, делающий такую посуду, был в глазах окружающих (да и в своих собственных) даже не художником, а просто ремесленником. И тем не менее он тоже стремился увековечить свое имя.

Наверное, ни в одной или почти ни в одной другой человеческой цивилизации состязательность не была развита до такой высокой степени. Причем, подчеркнем, зачастую это была состязательность практически бескорыстная, не ориентированная на получение материальной прибыли. На современных Олимпийских играх и других спортивных турнирах победители и призеры получают крупные денежные награды, которые для них, конечно, служат далеко не последним мотивом участия в соревновании. А победители в древнегреческих Олимпийских играх получали... венок из листьев оливы на голову. Такой приз не стоил ровно ничего: в

принципе, каждый мог пойти в оливковую рощу, нарвать листьев и сделать себе такой же. Но за этот олимпийский венок боролись не щадя сил! Иными словами, стремились к победе как таковой, – ну, и, конечно, к почету, который победа порождала.

Агональный дух оказал необычайно плодотворное воздействие на греческую культуру, определил ее самобытность и неповторимость. Не случайно именно Древняя Греция – родина такого феномена, как спорт. Да, в сущности, вся жизнь греков в каком-то смысле была «спортом». Что бы ни делал эллин – воевал или писал стихи, принимал законы или ваял статуи – он всегда соревновался, стремился быть первым, победить всех соперников, обрести славу.

Зрителями же и судьями любого такого состязания выступали сограждане, жители полиса. Собственно, только в силу их присутствия, их оценки агон был возможен. А порой и сами полисы вступали в состязание друг с другом. Скажем, битва гоплитских фаланг в период расцвета Эллады гораздо больше напоминает не привычную нам «тотальную войну», направленную на взаимное истребление, а именно соревнование, где важен был моральный триумф, возможность провозгласить себя победителями. Количество жертв в этих гоплитских сражениях было, как правило, очень невелико – десятки погибших, а то и единицы. Главным было вытеснить противника с поля боя. После этого бегущих врагов не преследовали и не добивали: ведь они сами, «показав спину», признали собственное поражение. А победители, торжествуя, воздвигали на месте битвы *трофей* – посвященный богам памятник, сложенный из захваченных вражеских доспехов.

У греков было принято сразу после битвы проводить своеобразный «конкурс», выявлять лучшего, наиболее отличившегося воина или полководца и награждать его. Так поступали обязательно, даже если обстоятельства никоим образом этому не способствовали. Вот пример. В 480 г. до н.э. эллинский флот одержал славную победу над персидским в морском сражении при острове Саламин. Война еще отнюдь не была закончена, в Греции оставалось сильное войско персов, опасность не миновала. Но что же делают греки сразу после боя?

Они, как рассказывает историк Геродот, «отплыли на Истм (перешеек между Пелопоннесом и Средней Грецией – И.С.), чтобы вручить там награду за доблесть тому эллину, который в эту войну совершил самый выдающийся подвиг. Прибыв на Истм, военачальники получили у алтаря Посейдона вотивные камешки, чтобы избрать того, кто получит первую и вторую награду. Тогда каждый из них положил камешки себе, считая себя самым доблестным. Вторую же награду большинство присудило Фемистоклу. Итак, каждый военачальник получил по одному голосу, Фемистокл же далеко превзошел всех по числу голосов, поданных за вторую награду. Из зависти эллины не пожелали присудить Фемистоклу первую награду и, не приняв никакого решения, возвратились каждый к себе домой».

На самом деле, конечно, именно Фемистокл стал главным героем Саламинской битвы. Но, как видим, его

«забаллотировали» коллеги – всё из того же агонального духа, поскольку каждый из них хотел, чтобы его самого признали первым. Геродот упоминает тут зависть, о которой уже шла речь выше, в связи с Гесиодом. Эту зависть греков нельзя не признать одной из характерных черт их «народного характера».

Если же в одном войске сражались отряды из нескольких полисов, то после победы конкурс иногда проводился именно между этими отрядами, а не между отдельными людьми. В 479 г. до н.э. союзная греческая армия разгромила персидскую при Платеях. А сразу после победы над персами греки... едва не схватились друг с другом! Закипел горячий спор между спартамцами и афинянами. И те и другие утверждали, что они сражались лучше всех, и требовали приза за храбрость. Мечи, только что убранные в ножны, были снова вынуты. Едва-едва удалось найти компромиссное решение: и афиняне и спартамцы согласились отложить свои амбиции и, чтобы ни тем, ни другим не было обидно, присудить награду какому-нибудь третьему городу из числа участвовавших в битве. Выбор пал на маленький полис Платеи – в ознаменование того, что именно на его территории удалось одолеть врага. Об этом инциденте рассказывает Плутарх.

Иногда страсть греков к соревнованиям приводила к последствиям, которые нам могут показаться просто-таки безрассудными. Когда персидский царь Ксеркс в 480 г. до н.э. вторгся в Грецию, в первой битве с ним – в знаменитом Фермопильском ущелье – эллины потерпели поражение. Их армия во главе со спартамским царем Леонидом, хотя и сражалась мужественно и героически, всё-таки не смогла сдержать натиск противников. И не удивительно: греков было всего-навсего около 7 тысяч. Очень мало...

Если бы греческие полисы выслали против персов тысяч 40-50 (а это было им вполне под силу), можно с уверенностью утверждать: врага удалось бы остановить, не пустить в центральные области Эллады. Ведь Фермопилы представляли собой очень надежный оборонительный рубеж. И тогда весь дальнейший ход Греко-персидских войн был бы совершенно иным. Опасность была бы ликвидирована в самом начале, Ксеркс не смог бы захватить, разрушить и сжечь Афины.

Но почему же греки этого не сделали? Дело вот в чём. 480 г. до н.э. оказался годом Олимпийских игр. И они не были отменены, несмотря на надвигающиеся вражеские полчища! Игры проходили как раз в тот момент, когда отряд Леонида противостоял «варварам» у Фермопил. Именно потому-то этот отряд и был таким маленьким: он выполнял, по сути, роль авангарда. А основное эллинское войско, как сообщает Геродот, планировало присоединиться к нему после окончания игр. Но, когда они завершились, было уже поздно: персы разгромили Леонида и миновали Фермопильский проход.

Современному человеку подобная психология просто непонятна. Вместо того, чтобы бросить все силы на отражение неминуемой военной угрозы, – отправляться в Олимпию и там соревноваться друг с другом в различных видах спорта, как будто ничего страшного и

не происходит. Напомним для сравнения, что в XX веке Олимпийские игры в годы Первой и Второй мировых войн не проводились.

Конечно, необходимо учитывать и тот фактор, что древнегреческие Олимпийские игры, в отличие от современных, являлись в первую очередь религиозным праздником. С точки зрения верующих людей, совсем отменить их и тем самым прогневить богов, чья помощь была столь необходима в пору грозной опасности, было бы неразумно. Но ведь можно же было найти компромиссный вариант. Например, справить праздник «по сокращенной программе»: полагающиеся религиозные церемонии провести, а от состязаний отказаться. Это позволило бы выиграть хоть несколько дней. Однако даже этого сделано не было: все состязания проходили, как положено. От удовольствия поучаствовать или посмотреть на них эллины не могли отказаться даже тогда, когда свобода и независимость их страны стояла под вопросом.

Впрочем, как ни парадоксально, сам тот факт, что греки даже в такой момент не изменили своему древнему обычаю, в каком-то смысле оказал им хорошую услугу: он произвел на Ксеркса сильный моральный эффект. Можно себе представить реакцию персидского владыки и его окружения, когда они узнали, что эллины, как бы презирая многократно превосходящих врагов, предаются спортивным утехам. Знатные персы были поражены и обескуражены.

Вот как рассказывает об этом Геродот. Перед тем, как процитировать, поясним: упоминающиеся ниже Тигран и Мардоний – персидские военачальники. Особенно знаменит был Мардоний. Зять Ксеркса, он выступил главным инициатором похода на Грецию.

«...К персам прибыло несколько перебежчиков из Аркадии... Их привели пред очи царя и спросили, что теперь делают эллины. Один из персов от имени всех задавал вопросы. Аркадцы отвечали, что эллины справляют олимпийский праздник – смотрят гимнические и иппические (т.е. спортивные и конные – И.С.) состязания. На вопрос перса, какая же награда назначена состязающимся за победу, те отвечали: “Победитель обычно получает в награду венки из оливковых ветвей”. Тогда Тигран, сын Артабана, высказал весьма благородное мнение... Именно, услышав, что у эллинов награда за победу в состязании – венок, а не деньги, он не мог удержаться и сказал перед всем собранием вот что: “Увы, Мардоний! Против кого ты ведешь нас в бой? Ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести!”».

* * *

Греческий агон – типично полисное явление. Если даже состязались индивиды, то состязались они перед лицом полиса, коллектива. И целью состязания было именно заслужить высокую репутацию в глазах коллектива. Для этого не щадили себя. Античный грек прекрасно понял бы русскую поговорку «На миру и смерть красна».

Специалисты по исторической этимологии – науке, изучающей моральные ценности различных эпох и народов, – делят все человеческие культуры на

«культуры вины» и «культуры стыда». В первом случае регулятором поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно должного – то, что в христианской цивилизации называют совестью. Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то, как его оценят другие. Главное – не «ударить в грязь лицом», чтобы не пришлось испытывать стыд.

Античная греческая культура была типичной «культурой стыда». Интересно, что само понятие «совесть», судя по всему, эллинам архаической и классической эпох было еще вполне чуждо, даже и слова такого в языке не существовало.

Пожалуй, первый грек, у которого мы встречаем некое предвосхищение категории совести, – это Сократ (469–379 до н.э.) с его внутренним «божественным» голосом (*демониум*). Об этом необычном явлении сам философ рассказывал так: «Мне бывает какое-то чудесное божественное знамение... Началось у меня это с детства: вдруг – какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склоняет к чему-нибудь никогда не склоняет». Таков «демоний» Сократа в описании его великого ученика – Платона. Другой слушатель афинского мудреца, Ксенофонт, представляет дело несколько иначе. В его передаче Сократ выражается следующим образом: «Мне является голос бога, указывающий, что следует делать».

Не будем, впрочем, придавать различию принципиальное значение. Важнее другое. При некотором желании действительно можно увидеть в сократовском «демонии» голос совести. Однако Сократа ни в коем случае нельзя считать типичным образцом классического грека. Напротив того, он был для подавляющего большинства сограждан «белой вороной», сильно опередил свое время.

Сократ был очень уж не похож на современников и эту непохожесть не скрывал. Собственно, именно за то, что он был не таким, как другие, философ в конце концов попал под суд, и ему вынесли смертный приговор. Один из главных пунктов обвинительного акта (этот документ сохранил для нас позднеантичный историк философии Диоген Лаэртский) заключался в том, что Сократ «вводит новые божества».

Что же здесь имеется в виду? Да именно сократовский «демоний», «божественный голос». Что это за голос такой странный? – рассуждали афиняне. Ни у кого его нет, а у Сократа есть. Получается, что он общается с какими-то собственными богами, которых больше никто не знает. А это запрещено: полисная религия предписывает чтить только тех богов, которых почитает весь полис. В общем, хотим мы того или не хотим, но выходит – Сократ был казнен именно за то, что у него была совесть.

Сократ, повторим, – грек необычный: он мог – и неоднократно делал это – смело пойти против воли всей общины, всех граждан, если считал, что они неправы. Истина для него даже дороже, чем жизнь. Ну, а для «нормального» грека суждение общины, суждение окружающих – превыше всего.

Именно таковы герои Гомера. Им абсолютно чужды

те нравственные ценности, которые столь близки нам и которые сопряжены именно с внутренней самооценкой: доброта, милосердие, сострадание... Всё это – порождение более поздних эпох, тесно связанное с возникновением христианства. Зато среди витязей, изображенных в эпосе, очень высоко котируются воинская доблесть, величественность, щедрость – словом, то, что характеризует человека с «внешней стороны». А ведь именно эти гомеровские герои служили образцом для греков последующих эпох, особенно для аристократов.

Согласно мифам, в греческом войске под Троей вторым по силе и мужеству после Ахилла был могучий герой Аякс. Когда Ахилл погиб, был объявлен конкурс на то, кому достанутся его великолепные доспехи. Аякс не без основания претендовал на них. Но хитроумный Одиссей, убедив своим красноречием главу «жюри» – верховного главнокомандующего Агамемнона, – сумел «обойти» Аякса и получить этот приз. Разгневанный Аякс пылал жадной мщеницей. Он решил ночью убить и Одиссея, и Агамемнона, и других вождей греков. Но боги наслали на него безумие, и вместо врагов он перебил стадо овец. Утром, придя в себя и увидев, что он натворил, Аякс покончил самоубийством. Его терзали отнюдь не угрызения совести за то, что он хотел убить людей, причем своих же соратников. Совсем наоборот: он сгорал от страшного стыда именно от того, что не сделал этого, от того, что совершил промашку и опозорился. Аякс буквально опустошен, жизнь стала ему не мила. Он горестно восклицает (цитируем по трагедии Софокла «Аякс»):

Увы!

Ночь, что дня милей, мрак, что солнца свет

Для меня затмил!

Я к вам, я к вам всей душой стремлюсь!

Да, к вам. Не в силах я

Видеть богов, видеть людей:

Ни радости, ни пользы нет

В моем для ближних взоре.

Дева сильная, Зевса дочь меня

В смерть позором гонит.

О, куда бежать? Где приют найти,

Если родовая рухнула слава?..

Что ж дальше будет? Явно ненавистен

Я стал богам; всё войско мне враждебно,

Враждебна Троя и земля кругом...

С каким лицом пред очи я предстану

Родителя, без славы, без наград,

Которых он венец стяжал великий?

Невыносима эта мысль...

Нет, нет, не то. Исход найти я должен.

Пусть твердо знает старый мой отец,

Что не трусливого родил он сына.

Не стыдно ли желать продленья жизни,

Когда просвета в горе не видать?..

Прекрасно жить, иль умереть прекрасно –

Вот благородства путь. Я всё сказал.

* * *

Итак, агональный дух всячески способствовал культурному творчеству. Первый расцвет индивиду-

алистического принципа в Греции пришелся на архаический период. И характерно, что именно тогда свершилось, например, одно из важнейших событий в истории античной и мировой литературы: на смену эпосу, жанру в известной мере «безличному», без выраженного авторского начала, пришла лирика. А ведь лирическая поэзия как раз в высшей степени личностна, допускает и поощряет проявление индивидуальных чувств, эмоций, устремлений.

Авторов эпических поэм Гомера и Гесиода сменила появившаяся за короткий промежуток времени целая плеяда выдающихся творцов лирических стихов: Архилох и Солон, Феогнид и Тиртей, Алкей и Сапфо (первая женщина-поэтесса), Алкман и Анакреонт, Симонид и Пиндар... Имена некоторых из этих поэтов ныне, к сожалению, известны далеко не каждому, даже образованному человеку. Дело в том, что, к сожалению, наследие большинства из них довольно плохо сохранилось и часто сводится к набору разрозненных фрагментов, дошедших в цитатах более поздних писателей или открытых уже в наше время на свитках папируса.

А между тем все перечисленные имена принадлежат, без преувеличения, великим представителям античной литературы. И к тому же новаторам, смело делавшим замечательные открытия в области стихосложения. Почти все они принадлежали по происхождению к знатной аристократии, и, что интересно, многие из них не ограничивались работой на литературном поприще, были людьми деятельными, с широким кругом интересов и занятий. Афинянин Солон – законодатель, мудрец, путешественник; Архилох – воин-наемник, ведший полную трудностей и лишений жизнь – от похода к походу, от сражения к сражению; Алкей – активный участник политической борьбы на родном острове Лесбос, член одной из соперничающих за власть группировок (*гетерий*), подбодрявший сотоварищей «песнями гражданской смуты», как он сам назвал сборник своих стихов...

Раньше безраздельно царил величественный, но несколько однообразный гомеровский *гекзаметр*, – а VII–VI вв. до н.э. возникло богатейшее разнообразие самых непохожих друг на друга стихотворных размеров. Некоторые из них получили названия по именам придумавших их поэтов (алкеев стих, сапфическая строфа, архилохов стих), а это ведь тоже проявление индивидуалистического начала. Гекзаметр никто никогда не называл «гомеровым стихом».

Однако индивидуализм, если он нарастал в слишком большой степени, переставал играть конструктивную историко-культурную роль. Напротив, он был способен подорвать целостность и стабильность гражданской общины, формирующегося полиса. Это «чрезмерное» акцентирование личностного принципа общественным мнением уже не поощрялось. Для его обозначения существовал труднопереводимый термин *гибрис*.

Обычно это слово переводят как «спесь, наглость, гордыня», но всё это не вполне точно. Если попытаться передать значение термина «гибрис» описательно, то окажется, что это – дерзостное стремление человека

подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка. Слово «гибрис» происходит от предлога *γίπερ* – «над». Греческое *γίπερ* – то же самое, что латинское *super*. «Гибрис» – это, так сказать, стремление стать «суперменом», сверхчеловеком.

В мифологии древних греков изобилуют примеры персонажей, которые проявили «гибрис» и были за это сурово наказаны. Царь Тантал, согласно мифологическим сказаниям, был одним из счастливейших людей на земле. Сами боги бывали у него в гостях. Впав в гордыню, Тантал решил проверить, на самом ли деле боги всеведущи, и как-то раз, убив собственного сына Пелопа, угостил их его мясом, не сказав им, из чего приготовлено поданное на стол блюдо. Олимпийцы, конечно, с отвращением отвернулись от подобной трапезы, воскресили Пелопа, а Тантала после его смерти осудили на вечные мучения. «Танталовы муки» вошли даже в поговорку.

Царь Иксион попытался соблазнить верховную богиню Геру. Царь Сизиф обманул бога смерти Танатоса и сумел, уже скончавшись, вернуться-таки на землю живым из подземного царства – Аида. Царь Салмоней хотел уподобиться самому Зевсу: развезжая на колеснице, метал в небо зажженные факелы, подражая молниям Громовержца. Все они возжаждали «сверхчеловеческого» удела и понесли за это посмертную кару в Тартаре, самой глубинной части страны мертвых.

«Гибрис» осуждался. Считалось, что он способен только ввергнуть в пучину бед и самого человека, поддавшегося этому соблазну, и всю его общину. Ведь греки были уверены в коллективной ответственности за деяния индивида. Опять процитируем Гесиода (упоминаемые далее «Кронид», «Кронион» – эпитеты Зевса, который, согласно мифам, был сыном бога Крона):

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,

Тем воздаст по заслугам владыка Кронид дальнорзоркий.

Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.

Беды великие сводит им с неба владыка Кронион:

Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.

Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их

Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.

Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.

Осуждение этого «сверхчеловеческого» порыва, стремления уподобиться богам стало общим местом древнегреческой поэзии. Вот, например, слова Пиндара, великого лирика рубежа архаического и классического периодов:

Не тщись быть Зевсом: у тебя есть всё...

Смертному – смертное!

Существовало представление о качестве, противо-

положном «гибрису». Это качество обозначалось словом *софросине* и считалось одной из главных добродетелей. Перед нами снова слово, которое очень трудно однозначно перевести с древнегреческого на какой-нибудь другой язык, потому что оно включает целый комплекс взаимосвязанных смыслов. «Софросине» – это самообладание и самоограничение, воздержанность во всем, умеренность, умение удержать «сверхчеловеческий» порыв.

Так коллективистский дух полиса ставил на пути нарастающих индивидуалистических тенденций идею меры, гармонии личности с общиной. Именно это чувство меры стало одной из основополагающих черт греческого менталитета, породило многие крупнейшие достижения культуры античной Эллады. Чувством меры, по древнегреческим представлениям, должно руководствоваться поведение человека, который развивает и совершенствует свои физические и душевные силы, свободно распоряжается ими, но не должен ими злоупотреблять в ущерб коллективу.

В развитии, наверное, любой цивилизации мы найдем и индивидуалистические, и коллективистские принципы в том или ином соотношении. Но, пожалуй, именно древним грекам в их лучшие времена удалось найти между ними оптимальный, наиболее гармоничный баланс – почти идеальное равновесие между общим и частным, между единством общественного целого и свободным разнообразием граждан, между традицией и новизной. Причем все эти начала не взаимоисключали друг друга, а сочетались в творческом синтезе.

Так, может быть, в этом кроется секрет «греческого чуда»? Подобного равновесия, подобного синтеза индивидуализма и коллективизма, «порыва» и «меры» нигде и никогда более в истории человеческой культуры достигнуто уже не было. Где-то однобоко преобладал коллективизм, где-то, наоборот, он оказался всецело принесен в жертву индивидуалистическим началам. И только в Греции две «чаши весов» в какой-то момент уравновесились. Да ведь и сама Греция удержалась на этой вершине не слишком-то долго.

Во всяком случае, несомненно, что время высшего взлета древнегреческой культуры – это одновременно и время наибольшего расцвета полиса, и время наиболее полного раскрытия потенций античной личности. Интересен еще и вот какой момент. Эллинские полисы, даже самые демократические по государственному устройству (например, Афины), были отчетливо аристократическими по своему внутреннему духу, системе ценностей, этическим представлениям, мировоззрению людей.

Сочетание политического демократизма с духовным аристократизмом... А ведь это в известной мере можно считать идеалом. О чем-то подобном мечтал в начале XX века выдающийся русский мыслитель Николай Александрович Бердяев: «Демократия может ставить своей целью подбор лучших и установление царства истинной аристократии... Торжеству начала аристократического может способствовать начало демократическое, когда оно не имеет самодовлеющих притязаний».

* * *

Проповедником принципа умеренности, «софросине», стало в архаический период жречество великого святилища Аполлона в Дельфах, которое являлось с этого времени «главным храмом Эллады», самым почитаемым религиозным центром греческого мира. Дельфийские жрецы, насколько можно судить, были прекрасно образованными и информированными людьми, находились в курсе всех новых веяний – и политических, и этических. Не случайно именно Дельфы фактически руководили Великой греческой колонизацией: из священного города Аполлона шли указания о том, куда какой полис должен отправлять колонистов.

По инициативе дельфийского жречества в государствах архаической Греции принимались своды письменных законов. По преданию, все знаменитые законодатели – и спартанец Ликург, и афинянин Солон, и другой афинянин Клисфен – перед началом своей деятельности отправлялись консультироваться в Дельфы. А ведь законы, вводя единые, обязательные для всех граждан нормы, были ярким проявлением коллективистской, полисной тенденции. Они самим фактом своего существования противостояли «гибрису».

В Дельфах в VI в. до н.э. сложилась традиция о так называемых «Семи мудрецах». В числе этих мудрецов мы встречаем людей самых разных, непохожих друг на друга: первого греческого философа Фалеса из Милета и афинского поэта-законодателя Солона, пророка-чудотворца Эпименида с острова Крит и Хилона, спартанского государственного деятеля... Даже Периандр, тиран Коринфа, был включен в перечень мудрецов.

Мудрецам приписывались краткие и выразительные изречения: «Лучшее – мера», «Ничего слишком», «Знай всему пору» и т.п. (традиция о «Семи мудрецах» наиболее подробно излагается и их изречения приводятся в первой книге сочинения Диогена Лаэртского). Нам подобные сентенции могут показаться избитыми банальностями, однако нужно учитывать, что две с половиной тысячи лет назад они должны были выглядеть актуальными и новыми. Но самое главное – все они как бы «били в одну точку», отражали и проводили в жизнь дельфийские нормы умеренности и справедливости, оказывались яркими и запоминающимися лозунгами этих норм.

Самое знаменитое из изречений мудрецов – «Познай самого себя». Кто именно первым сказал эти слова, доподлинно неизвестно (то ли Фалес, то ли Хилон, то ли Солон), но они были даже выбиты у входа в Дельфийский храм. Впоследствии этот афоризм очень любил Сократ. Однако он понимал его примерно так же, как и мы теперь, – как призыв к погружению в глубины собственной индивидуальности. А вот изначально, в архаическую эпоху, смысл данного лозунга был совсем иным. В нем фиксировалась некая мировая субординация с твердо установленным местом для каждого человека, которое ему надлежит знать. По сути дела, можно сказать, что в дельфийском контексте «Познай самого себя» означает: «Познай, что ты *всего лишь*

человек, и не стремись к большему». Несколько упрощая – «Знай свое место».

Одним словом, Дельфы проводили в архаической Греции самую настоящую реформу этических воззрений, всемерно внедряли принцип «софросине». Это было тем легче делать именно дельфийским жрецам, что почитавшийся в этом городе Аполлон из всех богов древнегреческой религии в наибольшей степени воплощал идею меры, формы, гармонии.

Двойником-антиподом Аполлона был Дионис. Этот бог являлся олицетворением как раз противоположной стороны бытия – экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок. В XIX в. выдающийся немецкий философ Фридрих Ницше, глубокий знаток античности, предложил (в труде «Рождение трагедии») видение всей греческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал – «аполлонического» и «дионисийского», светлого, рационального и темного, трагического. Сам Ницше симпатизировал «дионисийскому» началу.

Его концепция отнюдь не встретила однозначно положительного отношения. Напротив, у Ницше тут же появились жестокие критики, их немало и по сей день. Следует отметить, что философ и сам дал более чем достаточный повод для критических стрел по своему адресу, допустив целый ряд чрезмерно категоричных и недоказуемых суждений.

Но всё-таки, знакомясь с пониманием античности, предложенным Ницше, выносишь впечатление: несмотря на все ошибки и передержки – в этом что-то есть! До «Рождения трагедии» абсолютно господствовал взгляд на древнегреческую цивилизацию, наиболее полно развитый в XVIII веке великим немецким искусствоведам Иоганном-Иоахимом Винкельманом. Винкельман провозгласил эллинское искусство высшим достижением культурной истории человечества, назвал его главными чертами «благородную простоту и спокойное величие». По сути, именно он создал тот образ греческой античности, который и по сей день встает перед нашим мысленным взором, когда мы произносим слово «Эллада».

Однако чем дальше, тем больше становилась потребность в корректировке концепции Винкельмана, которая оказывалась несколько односторонней: какими-то уж слишком безмятежными и гармоничными выступали в ней греки. Ясно, что на самом деле они были не вполне такими, о чем свидетельствует хотя бы феномен классической трагедии с ее бурными, дикими, зачастую кровавыми страстями. Трагедия вообще не поддавалась интерпретации с точки зрения винкельмановских взглядов. И вот тут-то необходимые поправки внес Ницше, уделивший достаточное внимание второй – «трагической» – стороне эллинского духа.

Но вот историко-культурный парадокс: в Дельфах девять месяцев в году почитался Аполлон, а остальные три месяца – Дионис. Очевидно, сами греки не мыслили этих двух начал в отрыве друг от друга. Снова и снова, на самых разных уровнях выступает перед нами все та же диалектика «порыва» и «меры», создавшая античную Элладу.